

ОКНО В РОССИЮ

ЕВГЕНИЯ ЛИАНСКАЯ

ОПЕРНЫЙ ТЕАТР:
ЗНАК ПРЕСТИЖА

«Борис Годунов». Сцена из спектакля.

Фото: из архива Нижегородского театра оперы и балета

Оперный театр в Нижнем Новгороде есть. Он ведет внешне полную и явочной активностью жизнь. Например — солидная печатная продукция: буклеты к Пушкинскому фестивалю «Болдинская осень», который уже несколько лет проводится театром, пользуясь большой популярностью; или к юбилею главного балетмейстера театра Виталия Бутримовича. Буклеты действительно репрезентативные, двуязычные, с большим количеством ярких фотографий, представляющих основную часть труппы (буклеты составляет Светлана Ларина — заместитель директора по связям с общественностью). За последние десятилетия накопилось и огромное количество открыток и календариков со сценическими портретами артистов и красочные программы к премьерам.

Нависающие профессиональные проблемы воспринимаются как данность, необходимый комплекс жизненного процесса. Такие же трудности, как и у всех. А где на периферии иначе? Да почти нигде. Этим и живем.

Билеты на спектакли (не гастрольные) недорогие, даже совсем недорогие — от 10 до 40 рублей. А если учесть, что на текущих спектаклях наполняется не более трети зала, то о ценах вообще не стоит говорить. В театре есть своя публика, которая ходит «на все» или на отдельных солистов («На конец-то сегодня Хохлова!» — шепчут у кассы). Есть свои класеры, кунающие в громогласных «бравов» действительно хороших артистов при полуустом зале. Завершающее зрелище. Проблемы в театре обыденные до боли. Например, абсолютно патовая ситуация с оркестром при трех работающих дирижерах — В.Бойков, Е.Шейко и

три студента. Выбор, соответственно, невелик.

То же положение и с солистами. Если раньше кадры набирались по всей стране (от Львова до Свердловска), то сегодня — только из нижегородской консерватории. Молодые артисты уходят из за неоперных нарузок — большой репертуар при сравнительно маленькой труппе (с труппами в театре такой же дефицит, что и с медной группой). Это при минимальном стимуле работы — ничтожные зарплаты, отсутствие квартир, никаких светлого будущего и вдохновляющего настоящего. Чем театр гордится, так это сформировавшимся, накопленным, кордебалетом — этот вопрос решено открывшееся в театральном училище хореографическое отделение. Однако уровень нестабилен — экономические трудности сокращают количество премьер, многие исполнители уезжают. Идет обратный процесс: увеличивается перерыв между повторами спектакля в сезоне, репертуар не обновляется, что тут же сказывается на качестве исполнения. Профессионализм приобретает будничную относительность, растворяясь в гордо звучащем имени «Театр оперы и балета им. А.С. Пушкина». Эта относительность питается как будто самими стенами театра. Когда-то громоздкое сооружение, в создании которого принимали участие Шалютин и Горький, — было названо Народным Домом или «Знаком просвещения, отдыха и труда». За время его существования до 1935 года в нем располагалось театральное товарищество и даже лаборатория по изготовлению бомб. Эти «грехи молодости» театра проявляются досадным образом: тайное иногда становится явным, обрушиваясь на голову нестройными оркестровыми гудками. Зато как развивается воображение под звуки вступления к «Аиде», когда главная тема утробы почти не напоминает оригинал, образу вариант провинциального постмодернистского комментария к традиции (так и хочется крикнуть: «Гусары, молчать!»).

Лучше всего ощущение театра передает декорации и костюмы. Без авангардных изысков, но с традиционной, пусть и буффорской зрелищностью и роскошью. Часто именно они и создают спектакль, когда поднимается занавес. Многие устаревшие декорации и костюмы обновляются («Жизель», «Лебединое озеро», «Царская невеста»). Хотя и здесь бывает некоторая приближенность: девочки в капроновых бантиках и лакированных босоножках в итальянской деревушке XIX века. Постановки в театре традиционные (главный режиссер — Отар Далишвили), но очевидно, что артисты приучены играть и существовать в сценической ситуации. Хорошо, когда восприятие не нарушает надарная игра оркестра, сфальшививший солист или зажатый рассыпавшийся хор. Так, в «Царской невесте» Любава (Вера Сурикова), с трудом дотянувшая песню из I действия, локально и драматически блестяще проводит финальную сцену с Грязным. В «Паяцах» Тонин (Владимир Кубасов) демонстрирует явную сценическую фальшь в I действии, а во втором виртуозно исполняет сцену в балаганчике. В такие моменты становится еще более непонятно: что движет артистами.

В театре в последние годы появляются новые силы, новые имена: Аида Ипполитова (замечательная Лиза в «Пиковой даме»), Сергей Перминов, Наталья Черток. Театр живет неровными скользящими по оперному телу. Если перефразировать Бориса Покровского, сказавшего, что опера — это взаимовлюбленность музыки и театра, — то тут любви уже нет — остаются одни супружеские обязанности. Но каким бы долгим и привлекательным не был брак, всегда хочется высоких подлинных чувств, душевной самоотдачи и пристройной жизни. Так должно быть и, хочется верить, так будет.